

А. Н. БОРАТЫНСКИЙ: ВНУК ПОЭТА И ИСТИННЫЙ СЫН ОТЕЧЕСТВА

Е. В. Черкунова

Российский университет кооперации» (Казанский филиал)

Д. А. Пинаева

*Казанский национальный исследовательский технический университет
имени А. Н. Туполева (Зеленодольский филиал)*

Поступила в редакцию 6 октября 2014 г.

Аннотация: *статья посвящена изучению жизни и деятельности выдающегося общественного деятеля, педагога, поэта и просветителя Казанской губернии А. Н. Боратынского.*

Ключевые слова: *А. Н. Боратынский, поэзия, семейный круг, духовность, творчество, общественная работа, Родина, идеалы, духовное наследие.*

Abstract : *this article is devoted to the life and activity of the prominent public figure, teacher, poet and enlightener of Kazan A. N. Boratynskiy.*

Key words: *A. N. Boratynskiy, poetry, family circle, spirituality, creative work, social work, Motherland, ideals, spiritual legacy.*

*Выходи на Божью ниву,
Тайнам мира чутко внимли,
Помогай любви разливу,
Омывающему земли!
[1, 53]*

Такой призыв своей дочери Ольге (в семье звавшейся Литой) Александр Николаевич написал в Шушарах (деревня в Казанской губернии) в 1911 году. Эти слова не случайно взяты эпиграфом к статье, так как они ясно отражают те идеалы, которые с детства воспитывались в семье Боратынских: стремление к духовной правде, самопознанию и взаимопомощи. Дети, все без исключения, обожали отца, Александра Николаевича, боготворили его и ловили каждое его слово. Особенно ярко их семейный уклад смогла запечатлеть в своей книге «Канун 8-го дня» его дочь Ольга Боратынская (в замужестве Ильина). В книге множество сцен, описывающих отца не только в семейном кругу, но и за работой, и везде, где бы он ни находился, им привносилась атмосфера гармонии, порядка и любви. Детям, как пишет Ольга, он всегда пытался разъяснить, что значило богатейшее духовное наследие их семьи: «И папа объяснил, что все это значило для нас: что Дима, и я, и маленький Алек должны сознавать, что мы унаследовали «культуру», то есть то, чего лишены так многие другие дети, которые не хуже нас, а может быть и лучше. Столько для нас было сделано, что если мы будем плохо себя вести, если мы будем ленивыми, жадными и трусливыми, то за это мы будем больше ответственны, чем многие другие». «Вы отвечаете за все, что вам дано, – и он строго погрозил нам пальцем, – вы должны бу-

дете служить людям и вашей родине» [2, 17]. Особенно показателен эпизод, в котором отец объясняет детям сложные и непонятные для них слова из Священного Писания: «...и в голове у меня – крутящийся бесформенный туман, и я смотрю с растерянным восхищением на папу, который каким-то чудом может из него сделать что-то понятное» [2, 12]. И действительно, на доступных и жизненных примерах Александр Николаевич смог объяснить детям, почему Царствие Божие уподобляется горчичному зерну. Он задает им вопросы, приводит сравнения, тем самым заставляя их юные головы работать с удвоенной энергией: «Зерно горчичное – это самое маленькое зернышко, – говорит папа, – меньше ржи, меньше гречи. – Он смотрит на Диму, который начал прислушиваться. – А между тем, из этого маленького зернышка вырастает дерево... которое больше всех деревьев. (...) Но бывают зерна и другие, из которых растут города, машины, книги. Эти зерна – человеческая мысль. Человеку, например, тебе, Дима, придет такая мысль... – Почему должны двое рабочих и две лошади накачивать воду по несколько часов ежедневно, а крестьянки мучаются, ходят с ведрами в гору по два раза в день. Нельзя ли поднять воду на уровень деревни? В Диминых синих глазах зажигается интерес» [2, 12]. Вот так он постоянно поддерживал живой интерес детей к духовной сфере, к процессу мыслить и принимать решения самостоятельно, поэтому все дети могли с гордостью сказать

о своем отце те слова, которые Ольга написала в своей книге: «Папа как-то умел этого достигать тогда, когда говорил речи. Он мог столкнуть одну фразу с другой с такой силой, что кора, в которой они прятались, разлеталась на куски, и их истинное значение взлетало электрическими искрами. Или он мог прикасаться к ним с таким нежным раздумьем, что они таяли, и их внутреннее содержание текло к вам теплой водой. (...). Но главное, самое главное! Как я хотела бы уловить то, что было во всем его существе, в его лице, в его голосе, когда он говорил речь или что-нибудь рассказывал. Потому что даже когда он говорил о том, что грустно и страшно, через это грустное и страшное светилось обещание какой-то волшебной радости, которая скрывается от нас, но которая должна быть и будет нами найдена» [2, 84].

Александр Николаевич преуспел в самых разнообразных сферах деятельности: успешный и справедливый политик, либеральный земский деятель, просветитель (он способствовал развитию народного образования), поэт, художник и, безусловно, образцовый отец для своих троих детей, но и не только для них, так как он оказывал помощь многим детям из неблагополучных и бедных семей, устраивал их в школы, спонсировал их обучение.

Александр Николаевич получил блестящее образование: окончил Петербургское училище правоведения, затем работал в Чистополе, потом в Симбирске товарищем прокурора. Удовлетворения от службы он не получал и в 1898 году вышел в отставку, поселившись в Шушарах.

Спутницей жизни Александра Николаевича была Надежда Дмитриевна Шипова, богатый внутренний мир которой был близок Боратынскому. Ее портрет во весь рост находится сегодня в Казанском музее Е. Боратынского, и даже выцветшие немного краски не могут скрыть ее великолепную, ослепительную красоту. Это была поистине удивительная женщина, прекрасная не только внешне, но и внутренне. Она рано начала писать стихи, созвучные по своим темам и образам с теми, которые писал ее будущий муж:

*Счастье – ближних вниманье,
Радость друзей дорогих,
Высшее счастье – страданье:
Подвиг для счастья других [3, 41].*

Очень многие ее стихотворения посвящены теме природы, которую Надежда понимала и любила всем сердцем. Петербург, в котором она выросла, был ей не мил, но образ высокомерной светской красавицы был ей чужд:

*В столице грустного веселья
В притоне вечной суеты,
Средь деловитого безделья
И хладной ложной красоты,*

*Другие сняты мне картины,
Все, все другое предо мной:*

*Поля, леса, луга, долины
И небо с ясной синевой,*

*И тишина уединенья,
И чудное сиянье дня.
Я реусь от светского томленья,
Теперь сковавшего меня.*

*Что мне притворные забавы,
Что пересуды без числа
И гонка за минутной славой!
Мечта меня перенесла*

*На берег Волги многоводной,
Где соловьи поют в лесах,
Где чайки с резвостью свободной,
Купаясь, тонут в небесах...[4, 75]*

Кавалеры толпами вились вокруг белокурой красавицы с точеными чертами лица, но ей нужен был только он один, единственный, который бы составил с ней единое целое. Их познакомили на Масленичной неделе, насыщенной каждодневными балами, Александр Николаевич стал инициатором знакомства: «Если она так же красива внутренне, как и внешне, я на ней женюсь», – так решил он. И уже в январе 1891 года его мать Ольга Александровна писала в своих мемуарах: «Саша ездил в Петербург, и там сделал предложение Наде Шиповой, прелестной, милой девушке». Надежда ответила согласием, и 15 сентября 1891 года состоялось их венчание. Они, несомненно, были счастливы друг с другом. «Он и Надя составляют одно», – записала как-то в своем дневнике мать Александра [5, л. 32].

Боратынские поселились в барском доме в деревне Шушары, и здесь же родились трое их детей, средней из которых была знаменитая писательница и поэтесса Ольга Боратынская. Надежда была всегда первой помощницей и другом во всех начинаниях мужа. Супруги устроили для немощных крестьян богадельню на восемь коек и содержали за собственные средства, а в неурожайный 1899 год открыли в Шушарах и близлежащих деревнях бесплатные столовые. Подобная практика станет постоянной в семье Боратынских. В Шушарах Надежда Дмитриевна открыла амбулаторию, где лечила крестьян, помогала Кате Боратынской (сестре мужа) лечить стариков и детей, которые потянулись к ним со всей округи. О добром отношении Боратынских к простому люду свидетельствует и то, что в 1905 году посланцы-подстрекатели из числа студентов не смогли подбить на бунт против своих помещиков ни шушарских, ни каймарских крестьян.

В ноябре 1903 года Надежда Дмитриевна Боратынская умерла от скарлатины, что стало огромной трагедией для всей семьи. В 1914 году Александр Николаевич выпустил книгу стихов супруги «Друзьям на память». На обложке книги был напечатан эпитафия:

*Ум для сердца,
Сердце для жизни.
(...) И светильник заправив перед Лицом
Христа,
Я, с началом в душе воскресенья,
Оживаю для общего жизни Креста,
За глухую стеною терпенья [6].*

Эти стихи Александр Николаевич написал в 1906 году. Он так и не смог смириться со смертью любимой жены, однако продолжал бороться, верить, терпеть и достойно продолжать свой путь.

Об общественной деятельности Александра Николаевича рассказывают деловые бумаги. Он был уездным предводителем дворянства в Казанском и Царевококшайском уездах, попечителем созданной при его участии женской народной учительской семинарии, председателем училищного совета Мариинской гимназии, председателем Казанского уездного училищного совета. Он принимал самое живое участие в жизни школ: занимался вопросами обеспечения оборудованием, состояния здоровья учеников и учителей, оснащения школ книгами и всем самым необходимым. Сохранилось множество писем, документов с воспоминаниями людей, которым Александр Николаевич помогал. В этих письмах подчеркивается демократизм Боратынского, его доброжелательное отношение к людям. Благодаря школам, открытым при содействии Боратынского, смогли получить образование многие известные люди: чувашские художники М. Спиридонов и Н. Сверчков, известный казанский врач А. Сорокин, старший научный сотрудник Всесоюзного НИИ сельского хозяйства Е. Исаева и многие другие.

Александр Николаевич занимался организаторской и методической работой: устраивал постоянные учительские съезды и методические семинары, на которые съезжались учителя Казанской и Симбирской губерний, что говорило об их увлекательности и практической пользе. Александр Николаевич активно проявлял свою гражданскую позицию, защищая педагогов от нападок и несправедливости властей. Так, в 1908 году по распоряжению Казанского губернатора были уволены как неблагонадежные учителя М. Полякова, Е. Бенедиктова, Ю. Вишневская и др., которые были опытными и талантливыми педагогами. Уволенные обратились за помощью к Александру Николаевичу, и он начал переписку с губернатором, в которой настаивал на том, чтобы проверить тщательно все обстоятельства обвинений против учителей. В поиске справедливости Александру Николаевичу пришлось ехать в Петербург. В итоге учителя были восстановлены в своих должностях [5, л. 57].

Но Боратынский помогал не только учителям. В его рабочей тетради есть записи о том, что он помогал солдатам перевестись в другой полк, бедных интеллигентов устраивал на работу, детям крестьян

помогал поступить в учебные заведения. И все это были люди малознакомые.

Важным источником сведений о деятельности Боратынского являются его письма матери, которые датируются 1909–1912 годами и охватывают период пребывания его депутатом в Государственной Думе третьего созыва. Александр Николаевич предполагал провести через Думу ряд демократических законопроектов в области народного образования, деятельности земских органов власти. Но довольно скоро он понял, что проведение демократических преобразований сопряжено с рядом трудностей: на заседаниях Думы принимались реакционные или мелкие, несущественные проекты, а либеральные реформы либо проваливались в самой Думе, либо хоронились в Государственном Совете. 15 ноября 1910 года Боратынский писал матери: «Если бы не эта вера, от которой я не позволяю себе отходить, то, пожалуй, опустились бы руки» [5, л. 82].

В начале 1909 года Александр Боратынский начал готовить первую речь – «О земстве», в основу которой легли записи, сделанные еще в Казани. Боратынский считал неправомерными выборы в земские органы на основе имущественного ценза и сословных привилегий. По его мнению, в основу земского самоуправления должен быть положен «деловой признак» – люди должны заниматься «каким бы то ни было трудом». Участвовать в выборах в земские органы мог каждый человек – это «естественное право, приобретается самим рождением». Выборы должны быть прямыми. Все это увеличило бы «присутствие в земстве крестьян и интеллигенции». Он полагал, что правительство должно финансировать земство, чтобы обеспечить нормальную работу его учреждений [5, л. 74].

Мнение Боратынского противоречило официальной точке зрения, и поэтому его речь была воспринята неоднозначно. Он писал матери: «Многим речь понравилась... Марков и все правые все время мне мешали. Например, когда я сказал, за что были уволены учительницы, Пуришкевич орет полным голосом... Шингарев ему вторит... Я жду, пока они кончат браниться, потом продолжаю» [5, л. 75].

Отрывок из его выступления в Думе напечатала газета «Речь», но 24 февраля 1909 года он сообщает матери: «Обращаю твое внимание, что выдержка из моей речи значительно не похожа на мою полную речь. Она окрашена в кадетский цвет. Про земство я говорил совсем другое». [5, л. 79].

Постоянная грызня партий в Думе, реакционная направленность принимаемых законопроектов вызвали разочарование Боратынского, а иногда и отчаяние. «Сейчас пришел из думы, – пишет он матери. – Давно так не уставал нравственно и физически. Все последние дни политические горизонты затуманились» [5, л. 80].

В то время и определилось его отношение к партиям в Думе и ее лидерам. Он отрицательно отно-

сился к кадетам, резко враждебно – к националистам и их шовинистической политике. Об этом говорит его сатирическое послание к одному из основателей черносотенного «Союза русского народа», крайне правому монархисту В. Пуришкевичу:

*Союза русского царевич,
Пустоголовый богатырь,
С башкой плешивой, как пузырь,
Нарыв народный, Пуришкевич...
Преступник заповеди пятой,
Не ты ли дерзостно еврею
Грозил веревкою проклятой...
Беги Израиля детей,
Пред ними лик сокрой от срама.
В генеалогии своей
Среди отцов забыл ты Хама [5, л. 81].*

Во всем, что происходило в Думе, Александр Николаевич винил в первую очередь Столыпина. Вот что он писал о нем в письме матери от 18 февраля 1911 года: «Столыпин не тот дальновидный деятель, который мог бы рассуждать государственно. Его суровость есть не только суровость решения, но и настроения, его понимание правления сводится к режиму силы и власти, он не понимает, что нет власти, которую не одолела бы жизнь, если эта власть идет против законов жизни...» [5, л. 96].

Все проекты, в подготовке которых принимал участие Александр Николаевич, были отвергнуты. Но был еще один важный проект, в котором нашли выражение его взгляды на среднее образование. Основные положения этой реформы изложены им в письме матери от 21 марта 1911 года. Сначала он писал: «Средняя школа разложилась...», а далее следовал анализ принятых законов, которые почти ничего не изменили в системе среднего образования. И наконец, излагались основные положения законопроекта, который предусматривал исключение из программы гимназии древних языков (латинского и греческого) и мироведения («это обо всем и ни о чем»). При этом Боратынский предлагал ввести следующие предметы как обязательные: русскую историю, географию, естествознание, русское законодательство, полный курс русского языка и отечественной литературы («история литературы обрывается на Пушкине, а над современностью опускается занавес»). Он считал необходимым предоставить широкий доступ в гимназии женщинам, причем без классовых ограничений. Особое внимание он также обращал на преодоление замкнутости гимназий, на приближение их к обществу [5, л. 103].

Проект был без поправок принят комиссией по среднему образованию, однако новый министр народного просвещения Л. Кассо сказал Александру Николаевичу: «Мы с этим законопроектом согласиться не можем, и главная причина в том, что вы там нападаете на латинский язык». По мнению Министра, если изъять древние языки, то «ничего

будет изучать». Так передает этот разговор Боратынский в письме матери от 6 мая 1911 года: «Я смотрел на греческую образину, сидящую передо мной, и подумал: вот она, русская действительность...». «Что вы говорите, Лев Аристович, – отвечал ему Александр Николаевич, – как что остается – русский язык, русская словесность, русская история, география России – все то, чего, благодаря недостаточно русскому отношению к школе, мы были лишены... Образина смутилась...» [5, л. 108].

Не устраивали Кассо и другие положения законопроекта, и как выяснилось в беседе, министр совершенно был некомпетентен в вопросах образования, боялся преобразований. Он ограничился лишь незначительными изменениями, «а этот законопроект уж слишком реформа», – так он сказал Боратынскому. Вскоре Александр Николаевич сообщает матери: «Средняя школа для третьей Думы ушла безвозвратно» [5, л. 111].

В 1911 году усилились его разногласия с фракцией октябристов и ее лидером. По многим вопросам фракция принимала сторону Столыпина, а Боратынский считал «роковой ошибкой фракции сотрудничество с националистами», так как это приводило к потере доверия общества к октябристам. Окончательный разрыв с фракцией произошел в 1912 году. Октябристы вместе с правыми проголосовали за предоставление правительству полумиллиардного кредита для выполнения военно-морской программы. Боратынский писал по этому поводу: «Все мое внутреннее отношение к этому отрицательное...». Далее он указывает причины: во-первых, «не произведены жизненно-необходимые преобразования в военном и морском министерстве»; во-вторых, «выхватить из страны по 100 миллиардов в год – это весьма трудно и ответственно по отношению к народу»; в-третьих, «Государственная дума четвертого созыва не будет уже иметь возможности приостановить ассигнование даже в том случае, если эти деньги будут расходоваться неправильно». В своем мнении он остался непреклонен. 2 июня 1912 года он писал о том, как его ругают газеты («Вечернее время», «Биржевая речь» и другие) за его отказ голосовать вместе с правыми за предоставление кредита военным [5, л. 114, 115].

Необходимо отметить, что, находясь в Петербурге, Александр Николаевич постоянно хлопотал о своих земляках, не отказывал им в просьбах, выполнял различные поручения.

Характеристика А. Н. Боратынского будет неполной, если не изучить другую сторону его жизни, в которой он проявил себя талантливым творческим человеком. В Казанском музее находятся два сборника его стихотворений – рукописный «Маме» и печатный «Друзьям на память» (Казань, 1914 г.). Темы его стихотворений различны, но их объединяет философская рефлексия, глубина, особая лиричность. Весьма интересен, на наш взгляд, образ Кай-

марского дома, который он создает в одноименном стихотворении от 1893 года. Дом как будто говорит от первого лица, вспоминает былые радостные дни и сетует на свое плачевное состояние в настоящем:

*...И стонут трескаяся своды.
Я весь дрожу полуживой,
В часы грозы иль непогоды
Меня тревожит ветра вой...
...И Энгельгардт придет, слезою
Почтить кончину старика.
И тризну праздную, с грозюю
Слетятся духи свысока [1, 53].*

Стихотворение «Осень» (1890) написано Боратынским в лучших традициях русской лирики о природе. Здесь слышатся отголоски поэзии А. С. Пушкина, И. А. Бунина, А. А. Фета. В нем так умело подобраны краски, образы и звуки, что, читая это стихотворение, начинаешь ощущать эту легкую осеннюю свежесть, прохладу, прозрачность, а вместе с ними и настроение грусти и меланхолии, охватывающее человека в период пышного увядания:

*Настала осень. Вся дорога
Покрыта золотом листа,
А даль прозрачна и чиста.
Свежо, но ясно. Света много,
И красный к желтому прилип
Упавший лист в росе прохладной.
Блестит в лесу убор нарядный
Осины алой между лип.
Листва летит в узорной чаще,
Ложась на землю пеленой,
И пахнет бор глухошумящий
Листом увядшим и сосной [1, 54].*

Среди стихотворений есть те, что пронизаны чувством горечи и тоски, например «Как прежде я любил...» (1894). В нем Александр Николаевич сравнивает себя с плужным конем, с чернорабочим, которому волею судьбы выпала нелегкая участь тяжелой работы, а душа стремится ввысь, хочет петь, жаждет романтики, но на нее нет времени, ведь «на завтра снова труд»:

*Как прежде я любил
Чарующие ночи,
Дыхание цветов
И яркий блеск луны,
Я прежде был поэт,
Теперь чернорабочий,
Теперь мне нужен сон,
А не былые сны.
(...)
Так тощий плужный конь,
Из плуга отпряженный,
На бархатном лугу
Не вьется на дыбы,
Но гривую тряхнув,
Ложится, утомленный,
И к плугу вновь идет,
Сдаваясь без борьбы [1, 54].*

Здесь явно слышатся темы и мотивы многих стихотворений его деда, знаменитого поэта Евгения Боратынского, который тоже писал о разладе между миром поэзии и «светом просвещения». Особенно отчетливо эта тема звучит в стихотворении Е. Боратынского «Последний поэт» (1835), в котором поэт трагически переживает наступление «мировой ночи»:

*Век шествует путем своим железным,
В сердцах корысть, и общая мечта
Час от часу насущным и полезным
Отчетливей, бесстыдней занята.
Исчезнули при свете просвещения
Поэзии ребяческие сны,
И не о ней хлопочут поколенья,
Промышленным заботам преданы [7, 179].*

Вот так через поколения передалась эта тоска по ускользающей из мира романтике и красоте, чувство горечи от того, что человек все более «материализуется», отдаляясь от духовных основ.

Помимо стихотворений в рабочих тетрадях Александра Николаевича встречаются многочисленные сатирические наброски, карикатуры. Он отлично рисовал (в музее сохранились его рисунки) и очень увлекался музыкой: играл на многих музыкальных инструментах, обучал других и сам выступал в роли композитора.

Так, в 1899 году Боратынские организовали Пушкинский праздник в Шушарах для крестьян соседних деревень, о чем подробно рассказала дочь Ольга в воспоминаниях «Из гнезда». Александр Николаевич вместе с сестрой Екатериной проводил репетиции с большим хором, который состоял из крестьян Шушар и Каймар, и сам написал музыку для хорового исполнения на слова Пушкина «Мчатся тучи, вьются тучи...» и «Ветер по морю гуляет». Он подготовил и сольные номера: две крестьянские девушки спели арии из оперы «Русалка», а местный крестьянин – песню «Соловей мой, соловей, птаха милая» (музыка А. Боратынского).

У Боратынских был свой любительский театр, актерами в котором выступали сами хозяева, их родственники Геркены и крестьяне. И во всех программах театральные вечера среди исполнителей главных ролей значился Александр Николаевич [8].

После установления Советской власти в Казани Александр Николаевич вместе с другими дворянами был арестован. О последних днях его жизни подробно рассказала в своем дневнике его сестра Ксения. Зная, какая участь его ждет, Боратынский не уехал из Казани вместе с 60 тысячами человек, покинувших город перед приходом большевиков в конце августа 1918 года, и ни разу не пошел на компромисс со своей честью и совестью. Перед самым арестом он собрал родных и домочадцев и сказал: «Прошу вас, не жалейте, что я остаюсь. Если участь моя решена, передайте детям, что после смерти их матери я все время жил мыслью о встрече с ней...» [5, л. 128].

Александр Николаевич Боратынский был расстрелян 6 сентября 1918 года без всяких обвинений и постановлений по приказу (переданному по телефону) председателя Казанского ГубЧК Мартина Лациса, считавшего, по его собственным словам, что «чем выше моральный уровень людей во вражеском лагере, тем более необходимо их скорее ликвидировать» [9, 5].

Когда родные, получив ордер на захоронение, откопали тело Александра Николаевича, одна рука его была сложена в троеперстие, а другая держала его любимую фотографию Нади, где она была вместе с крохотным Алеком, их младшим сыном. На эту фотографию, по словам одного солдата-очевидца, он и смотрел, когда его расстреливали... Похоронили Александра Николаевича на Арском кладбище в Казани. За могилой постоянно ухаживали земские учителя и все те люди, которым Александр Николаевич всегда помогал [9, с. 5].

Судьба детей Александра Боратынского сложилась непросто. В 19 лет погиб в военных действиях его сын Алек. Дмитрий был «прощен» Советской властью и после долгих скитаний обосновался в Москве, работал фотографом в одном из институтов. Но в 1932 году, когда в стране снова возобновилась «охота на ведьм», был арестован и через несколько месяцев вместе с двумя своими друзьями расстрелян. В живых из его семьи осталась только дочь Ольга. В 1918 году она с ребенком на руках оказалась в Сибири, затем вернулась в Казань, где и жила до 1923 года. Позднее она последовала за мужем Кириллом Ильиным в Харбин, и в конце концов они вместе уехали в Сан-Франциско, где Ольга прожила до глубокой старости, написав ряд замечательных книг («Канун 8-го дня», «Белый путь. Русская одиссея 1919–1923 года», «Санкт-Петербургский роман»). Самой драматичной является, безусловно, книга «Белый путь», в которой Ольга подробно рассказывает о судьбах русской эмиграции и тяжелейших испытаниях, через которые ей и многим другим людям пришлось пройти.

Таким образом, можно сделать вывод, что Александр Николаевич был не просто человеком, а Человеком, который словно факел, освещает и согревает все вокруг себя, дает ориентиры и открывает истинные пути. Друзья семьи, которые приходили в дом Боратынских на Лядской улице (современная улица Горького) в Казани не случайно говорили: «Мы приходили в этот дом, словно к большому очагу, и каждый из нас брал здесь кусочек тепла, чтобы передать его другим людям...» [10, 5]. Дочь Ольга в одном из своих воспоминаний напишет так: «Родина для меня – не Москва, не Петербург и даже не Казань. Родина – это серый дом на Лядской улице» [10, 5].

ЛИТЕРАТУРА

1. Поэзия семейного круга. Н. Е. Боратынский, А. Н. Боратынский // Казань. – № 11. – 2000. – С. 53–54.
2. Боратынская О. А. Канун 8-го дня / О. А. Боратынская. – СПб. : Славия, 2012. – 352 с.
3. Девярых Л. И. Надежда / Л. И. Девярых // Люди и судьбы. Книга 1-я. – Казань: Титул, 2003. – С. 37–44.
4. Карпов И. К Мыслям юной девы. Литературное творчество женщин в семье Боратынских / И. Карпов // Казань. – № 11. – 2000. – С. 70–80.
5. Боратынский А. Н. Письма и документы // Музей Е. А. Боратынского. – Казань. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 24.
6. Боратынский А. Н. Сборник стихов «Друзьям на память» / А. Н. Боратынский. – Казань : Типография на Булаке. – 1914. – 82 с.
7. Океанский В. П. Русская метафизическая лирика XIX века: Е. А. Боратынский, А. С. Хомяков, Ф. И. Тютчев (поэтика пространства): дис. ... д-ра филол. наук / В. П. Океанский. – Иваново, 2003 – 544 с.
8. Загвозкина Вера. Внук поэта / В. Загвозкина // Советская Татария. – 1988. – 16 августа.
9. Загвозкина Вера. Внук поэта / В. Загвозкина // Советская Татария. – 1988. – 20 августа.
10. Латыпов Тимур. Родина – это серый дом на Лядской улице / Т. Латыпов // Казанские ведомости. – 1992. – 18 августа.

Российский университет кооперации (Казанский филиал)

*Черкунова Е. В., кандидат философских наук, доцент
E-mail: africangiraff@yandex.ru*

Зеленодольский институт машиностроения и информационных технологий (филиал) ФГБОУ ВПО «Казанский национальный исследовательский технический университет имени А.Н. Туполева-КАИ»

*Пинаева Д. А., кандидат исторических наук, доцент
E-mail: dashkevna1@mail.ru*

Russian University of Cooperation (Kazan Branch)

*Cherkunova E. V., Candidate of Philosophy, Associate Professor
E-mail: africangiraff@yandex.ru*

Zelenodolsk Institute of Mashing Building and Information Technologies (Branch) of Kazan National Research Technical University named after A.N. Tupolev

*Pinaeva D. A., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor
E-mail: dashkevna1@mail.ru*